

Андрей Охоцимский

**Предисловие к публикации «Философии мечты» на портале
«Воздушный Замок»**

Это эссе было написано 3 года назад и поэтому нуждается как в предисловии, так и в известных дополнениях. За это время сфера моих интересов лучше оформилась и стала мне самому более понятной. Я понял, что меня интересует образность как форма мышления. Хочется разобраться в структуре образов в сознании, не являющихся прямым отражением действительности. Другими словами – изучить архитектуру воздушных замков.

За это время я острее прочувствовал, насколько негативно относится к мечтам западная цивилизация. Бельгийской учитель может начать урок приказом «не мечтать!», что звучит почти так же как «не спать» в силу свойств языка. Если для нас «сновидение», «мечта» и «грёзы» - это все разные понятия, то для французов это все «rêve»... Название книги Башляра «Вода и грёзы» звучит точнее в русском переводе, чем в оригинале. Неудивительно, что в западной научной литературе мечты представляются продолжением сновидений и делается акцент на том, что мечтающий человек как бы не вполне наяву. Отсутствие разграничения между мечтами и грёзами способствует тому, что мечтание рассматривается как ненужное «блуждание ума», выводящее человека из его нормального состояния «здесь и сейчас» и увеличивающее шансы брака на производстве и несчастных случаев.

За это время появилась также содержательная статья философа Н. С. Розова с идентичным названием, в которой, в числе прочего, комментируется направление данного очерка и, в частности, наше определение мечты. Это мы обсудим в послесловии.

А.Охоцимский, янв. 2016

Философия мечты.

Что такое мечта?

Мечта – это желание, реализованное в воображении. Сознательное мечтание – это творческая умственная деятельность, занимающая промежуточное место между

целенаправленным мышлением и т.наз. «посторонними мыслями». Психологи нашли, что наша мысль спонтанно блуждает почти половину времени и спорят о том, хорошо это или плохо[1]. Однако посторонние мысли хаотичны. Мечта же обычно начинается как спонтанная «посторонняя мысль», но затем приобретает характер осознанного творчества и выливается в переживание воображаемых видений или ощущений, смонтированных в подобие видео-клипа, куска воображаемой жизни, воспринимаемой «из себя». Мечта увлекает. Её первоначальная спонтанность переходит в структурированную форму полусвободного повествования, в котором существует внутренняя логика и цель. Мир мечты создается по другим законам чем мир реальности, но он не хаотичен [2].

Спонтанность и отсутствие «внешней» цели отделяет мечту от творчества. Творчество может начаться как мечта, но в нем, если это действительно творчество, быстро возникает и становится доминантной явная цель, стремление что-то воплотить: написать, создать, нарисовать и т.п. Эта «внешняя» цель является тем стержнем, вокруг которого вращается творчество. Творчество, даже и предназначенное только для себя, выражается именно в творении, фактическом или предполагаемом. Мысль, направленная на «внешнюю» цель, выходит из области чистой мечты и переходит в сферу творчества. В данной работе нас интересует именно мечта в собственном смысле, т.е. мечта остающаяся в своей сфере.

Нереальность мечты отграничивает её от планирования. Пусть планы часто не осуществляются так, как задумано, но они являются осознанной деятельностью по созданию будущего. Планы мыслятся как реальные – иначе они не имеют смысла. Мечта же подчеркнута нереальна. Явная нереальность останавливает планирование, но не мечту. Нереальная мечта увлекает еще сильнее. В мечте привлекательность содержания намного важнее её реализуемости [3]. Кроме того в планировании доминирует схематичность, в то время как в мечте на первом плане чувственный образ [4]. Если план подобен чертежу, который рассматривается извне, то мечта больше похожа на красивую картину, в пространство которой мы временно перемещаемся. Если план имеет целью организацию будущих действий, то мечта важна сама по себе. Если мы планируем ради чего-то, то в пространство мечты мы перемещаемся ради неё самой.

Другое отличие мечты от плана – в её чисто личном, даже интимном, свойстве. Если планами мы часто делимся и обсуждаем совместно, то почти все мечты остаются в сознании их породившем. Планы рациональны и закрепляют нашу связь с реальностью, тогда как мечты уводят в альтернативный «мир грёз». Планами создается реальное будущее, которое мы делим с другими. Мечты создают воображаемый мир, который принадлежит нам и как правило только нам [5].

Структура мечты

Мечта начинается с желания и порождает мир воображаемой реальности, в которой это желание осуществляется. При этом центром мечты остается переживание осуществленного желания; остальной воображаемый мир рисуется схематически и не столь важен. Восприятие этого мира в мечте происходит «из себя», как и в настоящей жизни. Убедительность обрамляющей реальности в мечте не имеет большого значения; главное – это полнота и «жизненность» самого переживания. Эта полнота переживания предполагает интимность. Таким образом мечту можно определить как **интимно личное переживание воображаемой реальности**. Мечта имеет свою повествовательную структуру, которая по-видимому в большинстве случаев «заточена» на достижение основного заранее известного переживания как своей основной цели [6].

Переживание осуществленного желания происходит через восприятие определенного чувственного образа. Разговор об образах мечты неявно предполагает наличие стоящего за ними слоя реальности, который воспринимается через эти образы [7]. В самом деле, если мы говорим об образе Гамлета, то должен присутствовать и сам Гамлет, пусть как воображаемый персонаж. Специфика мечты в том, что этот слой воображаемой реальности в мечте очень тонок. В структуре образов мечты доминирует именно сам образ, его чувственная, воспринимаемая компонента. Образы мечты – это пустышки, подобные конфетным оберткам без содержания. Это свойство мечты мы интуитивно хорошо чувствуем. Именно поэтому, несмотря на глубину переживаний, эти образы не обладают над нами той же властью как образы в искусстве или религии. Если Гамлет – это полнокровная личность, то в мечтах действуют скорее привидения, хотя и приобретающие зачастую вполне плотские формы. Мы часто мечтаем по ночам, и рожденные во тьме призраки исчезают, как бы растворяются, при свете дня.

Мечта и цивилизация

Цивилизация создает наше окружение, диктует нормы поведения и табу. Мечта не создает мир, принципиально отличный от этой реальности, но искажает его так, чтобы стало возможным то, что невозможно или маловероятно в реальной жизни [8]. В мечте нет ничего мистического. В мечте человек не рвется в иной мир, а создает воображаемый образ, сотканный из элементов реальности. Этот образ соответствует его желаниям, которые он зачастую и не собирается осуществлять, по крайней мере не в той форме, как это происходит в мечте.

Цивилизация и общество находятся в молчаливом конфликте с мечтами. Мы мечтаем о запретном или далеко отстоящем, потому что зачем мечтать о том, что легко доступно? Может быть именно поэтому мечты мало изучены, и ни одна цивилизация их не культивирует. Для литературы и фильмов характерно ироничное отношение к мечтам: часто показывают героя, погруженного в мир грёз, которого забавно щелкает по носу

грубая действительность. Чужие мечты вызывают смех и жалость. Общество не поощряет мечты [9]. Эта столь значительная часть нашей умственной деятельности так и остается на уровне инстинкта, в отличие от наук или искусств, которым учат.

Цивилизация и общество в сущности равнодушны к мечтам. Мечты никому не мешают, если они остаются мечтами, и никого не интересуют, пока они остаются в строго личной сфере. Мечты суррогатно осуществляют наши стремления и помогают нам пережить отсутствие их материализации. Простой клерк, мечтающий о poste президента, может быть хорошим членом общества независимо от того, мечтает он об этом или нет; возможно, его мечты помогают ему смириться со своей заурядностью и повысить свое значение в ведомом ему одном плане его личного бытия. Мечты помогают узнику пережить заключение, тяжело больному – его беспомощность, а подростку – ограничения детского возраста.

В мечте можно увидеть один из путей разрешения конфликта личности с обществом. Общество нам необходимо, но оно же является источником страдания. Мы не можем жить без других людей, но их присутствие причиняет нам неудобство или даже боль. В мечте общество трансформируется в подобие рая. Враги исчезают или обращаются в друзей. Зная о невозможности прекращения экзистенциального страдания, мы создаем себе мир, где можно то, что нельзя.

Мечта и свобода

В мечтах мы свободны и реализуем наше инстинктивное стремление к жизни без рамок. Человек, созданный по образу Творца мироздания, не приемлет в своем сердце никаких ограничений. Ему нужно всё. В мечте человек познает и утверждает свою свободу.

Безграничность человеческого существа в его глубинной сущности противоречит ограниченности и убожеству человека как существа социального. Человек выбрасывается в чуждый ему по природе мир, но наедине с самим собой он не может с этим смириться. Кто еще кроме него самого, увидит глубину и объем его бессмертной личности? Где еще, как не в глубине своего существа творить химерические видения, адекватные нашему истинному потенциалу?

Мечта и одиночество

Человек одинок по своей глубинной природе. Наш Творец один, как же не быть одиноким нам, созданным по Его подобию? Мы одиноки не потому, что нас кто-то бросил, а по самой природе нашей личности как замкнутой на себя познающей субстанции. Сближение

с Богом не уменьшает одиночества, а лишь помогает с ним смириться [10]. Так не является ли мечта нормальным способом существования замкнутой на себя личности?

Идеальность мечты

Мечты свободны от диалектики. В них нет противоположностей, поскольку нет реального мира. В них нет той унылой полноты реальной жизни, в которой всякому плюсу соответствует минус. Мечты великолепны своей идеальностью. Если мы мечтаем о Нобелевской премии, в этих мечтах нет никаких осложнений, присущих реальной жизни Нобелевского лауреата, но есть чистая радость и упоение. В мечтах мы получаем ту чистоту переживания осуществленного желания, которой нет в реальной жизни, даже при осуществлении этого желания. В сексуальных мечтах нет настоящего секса, но нет и моментов неловкости, неудовлетворенности и боязни, присущих реальным отношениям полов.

Мечта и грех

Мечтательность часто сближают с религиозностью, хотя эти две сферы различны почти до противоположности. Бытие мечты строго личное, тогда как религия бытует в Общем. В мечте можно все, тогда как религия говорит о рамках, долге и запретах. Религия – это форма цивилизованности, проникающая глубоко внутрь человеческого существа. В полной мере это относится к христианству. Если законы общества ограничивают действия, то христианство ограничивает мысли, посягая на самые интимные глубины нашего существа.

Мечты не греховны сами по себе, но могут иметь и часто имеют греховный аспект. Личные амбиции, эрос, жадность, стремление к превосходству и власти – все это изобилует и процветает в мире мечты, и все это признается греховным. Мечтающий грешник изворотлив. Знакомый священник рассказывал о том, как часто признаются на исповеди в мечтах о смерти жены или мужа. Не решаясь мечтать об измене, верный супруг изобретает «законное» решение своей неудовлетворенности мечтая о естественной смерти надоевшей половины...

Конечно можно мечтать о благе человечества или святости, но даже на эти мечты религия смотрит с подозрением. Религия направляет человека на реализацию в Боге, а не в себе и призывает удовлетворяться тем что мы имеем, то есть именно тем, чем мы упорно удовлетворяться не хотим.

Мечта и время

Человек живет в постоянном стрессе, беспомощно взирая на неостановимо убегающее назад прошлое и не имея почти никакого контроля над надвигающимся будущим. Мечты сотканы из ткани прошлого (так как другого мы не знаем), но их временное отнесение неопределенно [11]. Они помещаются в некоем временном кармане между прошлым и будущим. Если в планах человек создает ближайшее будущее, то в мечте он творит вневременной момент счастья, который был бы только опошлен конкретными временными рамками [12]. Не утверждаем ли мы в этом свою истинную вне-временную сущность? Если верно, что наш Создатель существует вне времени, то почему бы нам, Его жалким тварям, выброшенным на задворки падшего мира, не позволить себе момент пребывания вне потока времени, бесследно смывающего лучшие моменты нашего реального бытия?

Мечта и личность

Личность – это осознающая сама себя субстанция. Способность мечтать присуща любой личности имеющей желания и разум. В мечте личность проявляется именно как личность и утверждает себя в полной и неограниченной степени [13]. Эта полнота самоутверждения в мечте и объясняет её притягательность. В отличие от других форм мышления, мечта является не способом познания окружающего, а способом самоутверждения личности в наиболее прямом смысле (так как в этом не участвуют ни другие люди ни окружающий мир). Подобно тому как Создатель является полным хозяином в сотворенном им мире, так же и мы, его слабые имитаторы, своеобразно хозяйничаем в укромном мире мечты как в своей неприбранной спальне.

Заключение

Голландский философ И. Хейзинга написал книгу «Человек играющий» [14]. Хейзинга впервые описал игру как неотъемлемый элемент человеческой жизни. Так неужели же мечта не является еще более фундаментальным аспектом нашей жизни? Не стоит ли написать книгу «Человек мечтающий»?

Хейзинга не анализирует зачем и почему нужна игра, он описывает игровую деятельность человека как данность. Необходимость в игре признается аксиоматически. Также можно подойти и к описанию мечты. Мечта слишком фундаментальна для нас, чтобы выводить её нужность теоретически [15]. Между игрой и мечтой есть что-то общее – оба вида деятельности «ненастоящие». Но если игра социальна, то мечта принадлежит строго

личной сфере. Человек мечтающий, как и играющий, заслуживает такого же признания и изучения как и человек работающий, мыслящий и социальный.

Примечания

1. Есть данные, что посторонние мысли (mind wandering) увеличивают частоту автомобильных аварий и производственного брака. Но есть и другие данные свидетельствующие о пользе посторонних мыслей для творчества и долгосрочного планирования. См. работы Дж. Смолвуда, <http://themindwanders.com/>
2. Недавние эксперименты показали, что в процессе мечтания человек интенсивно задействует те же области коры головного мозга, что и для сложной творческой деятельности. K. Christoff, A. M. Gordon, J. Smallwood, R. Smith, J. W. Schooler. Experience sampling during fMRI reveals default network and executive system contributions to mind wandering. Proc. Natl. Acad. Sci. USA, 2009, May 26, 106(21), p. 8719–8724.
3. Классификация мечты и мечтателей с точки зрения цели и реализуемости рассматривается И. В. Баншиковым. С его точки зрения «мечта» окрашена целью, тогда как «грезы» бесцельны. http://samlib.ru/b/banshikow_i_w/teorijamechty.shtml . В данном очерке мечты и грезы не разграничиваются. С моей точки зрения слово «грезы» выражает субъективное отношение к мечте, а не онтологическое отличие.
4. Слово «чувственный образ» употребляется здесь в смысле «чувственного опыта»; сюда относятся воображаемые зрительные, слуховые и осязательные ощущения, а также более сложные производные ощущения, такие как чувство удовлетворения, счастья и т.п.
5. Между мечтой и планированием не всегда можно провести четкую границу. Всегда можно найти промежуточные случаи: например, девушка, мечтающая об обещанном замужестве, или ребенок, мечтающий о заказанном подарке. Нам кажется, что для мечты характерно увлечение самим процессом мечтания и удовлетворением от его воображаемой реализации. Планирование – это в принципе безэмоциональный процесс, в котором реализация желания конкретизируется, уже будучи в принципе решенной.
6. Желание может быть выражено в мечте и в скрытой форме. Например, мысли о своей смерти не отражают желания умереть, но могут быть похожи на мечты, так как в них главное – стремление фиксировать реакцию близких на свою смерть; таким образом может проявляться стремление к вниманию и любви окружающих.
7. Об «образе» и его отличие от «идеи» см., к примеру, А. Ф. Лосев «Диалектика Мифа». V.2.
8. Очень распространенные мечты выиграть в лотерею нельзя назвать нереальными. Однако люди, которые об этом мечтают, часто не покупают лотерейных билетов.

9. В СССР отношение к мечтам было двойственным. С одной стороны мечты о «светлом будущем» были призваны подкреплять официальную идеологию, отчасти для того, чтобы легче переносилось суровое настоящее. С другой стороны, «маниловщина» подвергалась осмеянию со школьной скамьи, и на первое место в жизни ставилось «дело».
10. В христианской мистике душа представляется совершающей бешеное круговое движение вокруг Искры Божьей как центра, см: Дионисий Ареопагит. О Божественных Именах. Гл. 4.2. <http://www.hesychasm.ru/library/dar/tname.htm#g14>
11. Прошлый материал может настолько сильно смешиваться с мечтой, что возникают промежуточные формы между мечтой и воспоминаниями, когда человек «прокручивает» прошлое событие видоизменяя его в более благоприятную для себя сторону, т.е. пытаюсь представить, как что-то могло бы произойти.
12. Интересно поговорить о мечтах, в которых человек перемещает себя в историческое прошлое или в мир любимого литературного произведения. Эти мечты также можно рассматривать как реализацию стремления выйти из потока времени. Вне-временность отличает мечту от планирования.
13. Г. Башляр утверждает субстанциальность воображения как активного творчества. Тот вид воображения, который он называет «материальным», родственен нашему пониманию мечты как совокупности чувственных образов, отталкивающихся от материальной реальности. Так, Башляр пишет «Этими образами (т.е. образами материи) грезят субстанциально, интимно». См. Г.Башляр, «Вода и грезы. Опыт о воображении материи», Введение, I., М., 1998, с.18. Башляр, однако объединяет мечты и сновидения, отчасти намеренно, отчасти в силу особенностей языка (франц. rêves имеет два значения, поэтому и переводится на русский как «грезы») и сосредоточивает внимание не на мечтах обычных людей, а на поэтическом творчестве.
14. J. Huizinga. Homo ludens. Amsterdam, 2008, 246 p.
15. Обоснование важности мечты предлагает Н. В. Омельченко в работе «О значении мечты», // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. - 2006. - № 5. - с. 5-8. Согласно Н. В. Омельченко, мечта – это своеобразный дисплей наших возможностей и способностей, влияющий на становление личности. Например, человек, мечтающий о великом, потенциально способен и совершить великое. Мечта является важным проявлением активности человеческого духа, оказывающим влияние на объективные сущности бытия. Так как мы становимся тем, что мы мыслим и чувствуем, мечты нас творят, креативно трансформируют. <http://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-mechty>

Послесловие

Статья Н. С. Розова «Философия мечты» была представлена в журнал в сентябре 2013 г., т.е. примерно через полгода после появления моего очерка в Интернете. Обе работы объединяет общее стремление выделить и описать мечту как самостоятельное и самоценное явление. Ссылок на наш очерк в журнальной статье Н. С. Розова нет, но они возникают в виде подстрочных примечаний в интернет-версии статьи, выставленной на сайте Новосибирского Университета. <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/mechta.htm> По всей вероятности, наши две работы выполнены независимо, и Н. С. Розов ознакомился с моим очерком в промежутке между отправкой статьи в журнал и выставлением интернет-версии.

Статья Розова по объему больше и по тематическому охвату шире моего очерка и имеет, при определенной близости исходных позиций, совсем иную направленность. Если в моём очерке сделана попытка заглянуть внутрь мечты, то Н. С. Розов интересуется мечтой скорее извне, как явлением, погруженным в ситуативный и социальный контекст. Несколько утрируя, можно сказать, что Н. С. Розов мечтает (извиняюсь за каламбур) о создании науки «мечтоведение» и пытается определить её границы и подразделы.

Н. С. Розов определяет мечту как «принадлежащий субъекту (индивиду или группе) мысленный образ некоторого объекта или события в будущем, обладающий наилучшими (идеальными) чертами с точки зрения этого субъекта» и сопоставляет его с первой фразой нашего очерка: «Мечта – это желание, реализованное в воображении». Справедливо констатируя близость двух определений, Н. С. Розов подчеркивает в своем определении онтологический аспект, т.е. что мечта – это образ. Если встать на эту точку зрения, то нашу фразу (которая, строго говоря, не планировалась как определение) следует отредактировать так: «Мечта – это образ желания, реализованного в воображении». Однако, мечта это все же процесс. Она включает не только пункт назначения, но и весь путь. При определении мечты как образа этот динамический аспект мечты теряется. Слово «образ» предполагает нечто статичное, вневременное, а мечта разворачивается и переживается в мысленном времени. Так давайте же начнем будущий учебник мечтоведения таким определением: **«Мечта - это интимно личное переживание желания, реализованного в воображении».**

В нашем подходе к мечте есть еще один важный аспект, который, по-моему, Н. С. Розов расценил не вполне точно: он полагает, что я сознательно фиксирую внимание на нереализованных и даже нереализуемых мечтах, которые он называет «мечты-утешители». Этот аспект может и слишком выпячен в моем тексте, отчасти в качестве неявной дискуссии с теми, кто видит ценность мечты в её реализации. Но суть моего взгляда на мечту совсем не в привязанности к нереализованным мечтам, а в том, что мечта рассматривается и провозглашается ценной сама по себе, безусловно и независимо от

своей реализации. Я не считаю, что настоящая мечта – это нереализованная мечта, но я предлагаю рассматривать мечты до фазы реализации. Ведь реализация мечты зависит от кучи внешних факторов, не имеющих с ней прямой связи. Когда начинается реализация, то собственно мечта кончается и начинается другое (планирование, творчество).

Вообще, мне кажется, что практически все отечественные авторы, пишущие о мечтах, находятся во власти телеологического подхода: им всем важно, чтобы мечта для чего-то оказалась нужной. Для меня же этот аспект проходной, второстепенный. Мечта как особая форма мышления представляется мне достойным предметом независимо от своей вплетенности в разноплановые слои жизненной реальности, связанность с которыми может быть интерпретирована как полезность или необходимость. Я неслучайно пишу в заключении про хейзинговскую теорию играющего человека, которая методологически служила мне источником вдохновения.